

УДК 903.531

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С НАБОРАМИ АСТРАГАЛОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В ОБЩЕСТВАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ СИНТАШТИНСКО-ПЕТРОВСКОГО, ПОТАПОВСКОГО, ПОКРОВСКОГО ТИПОВ)

С. В. Сотникова

Тюменский государственный университет, 625003, Тюмень, ул. Семакова, 10
svetlanasotnik@mail.ru

Рассматриваются детские погребения с наборами астрагалов, представленные на памятниках эпохи бронзы, обнаруженных на территории евразийских степей. Выделяются две возрастные группы. Даются обзор археологического материала, относящегося ко второй группе (от 6–7 до 13–15 лет), и его интерпретация. С использованием этнографических аналогий делается вывод о том, что дети мужского пола в возрасте от 6–7 до 13–15 лет составляли особую возрастную группу, одной из отличительных черт которой являлась игра в альчики.

Ключевые слова: эпоха бронзы, евразийские степи, погребение, астрагалы, половозрастная стратификация.

В эпоху бронзы на территории евразийских степей существовала традиция помещения в погребения наборов альчиков (астрагалов). Они найдены как в детских, так и во взрослых захоронениях. Астрагалы неоднократно привлекали внимание археологов [Марков, 2002, с. 39–48 и др.]. В данной статье рассматриваются материалы детских погребений, происходящие из памятников синташтинско-петровского, потаповского, покровского типов, которые многие исследователи считают синхронными [Юдин, Матюхин, 2006, с. 70] и генетически предшествующими сложению андроновской и срубной культурно-исторических общностей. Население этих культур обычно связывают с индоиранской традицией [Кузьмина, 2008, с. 200–201 и др.].

Анализ детских погребений с наборами астрагалов позволил выделить две возрастные группы похороненных: от младенчества до 5–6 лет и от 6–7 до 13–15 лет. Альчики в погребениях детей первой и второй возрастных групп могли нести различную смысловую и функциональную нагрузку. Поэтому каждая из этих групп требует отдельного изучения.

Первая возрастная группа была рассмотрена нами в работе, в которой дается подробное обоснование возрастных границ указанных групп [Сотникова, 2014, с. 60–70]. В данной статье исследуются только детские погребения с альчиками, относящиеся ко второй возрастной группе – от 6–7 до 13–15 лет.

Следует отметить, что во многих традициях граница между двумя детскими возрастными группами приходилась на возраст от 5 до 7 лет, и это не случайно. А.К.Байбурин отмечает, что, «как показывают исследования детства, возраст от 5 до 7 лет во многих (если не во всех) культурных традициях считается особым периодом. В этом возрасте дети сами начинают осознавать свою половую принадлежность... С другой стороны, именно половая идентификация считается признаком «появления ума» у детей» [Байбурин, 1991, с. 262]. Согласно этнографическим данным переход ребенка из младшей возрастной группы в старшую зависел не столько от реального биологического возраста, сколько от проведения ритуалов, направленных на приобретение пола. До этого момента «естественные половые различия не имели смысла. Только с помощью специальных ритуальных операций они... получали своеобразную санкцию на существование» [Там же, с. 257–258].

Верхняя возрастная граница погребенных, относящихся ко второй группе, определяется в рамках 13–15 лет, так как обряд инициации – посвящения в группу взрослых – обычно приходился в традиционных обществах на возраст 12–15 лет [Имс, 1991, с. 70]. Так, в древнем Иране пора зрелости наступала в 15 лет. С этого времени юноша и девушка после обряда инициации считались полноправными членами зороастрийской общины и имели право носить пояс – *кустик* [Асатрян,

1983, с. 72–73, 75].

Этнографы, занимающиеся изучением традиционного мировоззрения, отмечают, что предшествующие зрелости детство и ранняя юность являлись переходным этапом и как особое качественное состояние не осознавались, а следовательно, самостоятельного значения не имели. «Возможно, поэтому период в жизни человека с 3–6 лет и вплоть до брака оставался ритуально не отмеченным» [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 183]. Однако изучение погребений детей второй возрастной группы, относящихся к эпохе бронзы и содержащих наборы альчинок, показывает, что с этим утверждением трудно согласиться.

Археологическая характеристика детских погребений с астрагалами синташтинско-петровского типа

Большекараганский могильник, курган 25, погребения 13, 16. Погребение 13 содержало захоронение ребенка в возрасте 7–11 лет. В верхней части грудного отдела обнаружены фрагменты кожи, 2 пастовые бусины, пронизь из трубчатой кости, возле кистей рук – остатки органического предмета сердцевидной формы и изделие из кости. Погребение сопровождалось также скоплением из более чем 30 астрагалов (овца, сайга, кабан), крупной галькой серо-зеленого цвета, роговым наконечником остроги, тремя кремневыми наконечниками стрел, медным ножом. В погребении 16 за спиной ребенка 7–7,5 лет расчищено скопление, содержащее 50 астрагалов, из которых 42 принадлежали мелкому рогатому скоту (овца, ребе коза), 4 – крупному, 2 – сайге, 2 – кабану (домашней свинье?). Некоторые альчики имели следы подработки, один астрагал просверлен. В это же скопление входили 5 резцов бобра, клык кабана, мелкий обломок предмета из рога оленя. Костяной диск с центральным отверстием находился на самом верш скопления. В заполнении найден предмет из рога оленя размерами 20x7 см. Под костями рук – бронзовый нож с деревянной рукоятью, поверх рук – изделие, имеющее кожаную основу с нашитыми на нее бронзовыми бляшками [Аркаим..., 2002, с. 57–59, 64–68].

Могильник Каменный Амбар-5, курган 2, могилы 2, 4, 5, 11, 12. В могиле 4 захоронено трое детей в возрасте до года, в 1 год и подросток 13–16 лет. В головах подростка и находящегося рядом с ним ребенка одного года обнаружено бронзовое шило и скопление из 13 астрагалов (10 – овцы, 2 – сайги, 1 – кабана). Захоронение содержало также бронзовое тесло. В могиле 5 обнаружены останки 8 человек, среди них 3 подростка 13–16 лет, двое детей 1,5–2 лет. Наряду с другими предметами в южном углу находилось компактное скопление 147 астрагалов, из которых 111 принадлежали овце, 27 – сайге, 6 – козуле, 2 – крупному рогатому скоту, 1 – кабану. В могиле 11 погребены 3 человека: ребенок 9–11 лет и 2 мальчика-подростка 13–14 лет. В ней обнаружено скопление из 53 астрагалов (48 – овцы, 4 – кабана, 1 – сайги), на шее и запястье ребенка находились низки бус. В могиле 12 обнаружено четверо погребенных, среди них двое детей в возрасте 3–5 и 8–9 лет. С ребенком 8–9 лет связано скопление из 39 астрагалов (27 – овцы, 2 – козы, 7 – сайги, 3 – свиньи), бронзовый нож, тесло, 4 каменных наконечника стрел. В могиле 2 костей погребенных не выявлено, в южном углу найдено скопление астрагалов (5 – овцы, 2 – козы, 5 – свиньи) и массивная пластина из рога лося, которую авторы интерпретировали как битву [Костюков, Епимахов, Нелин, 1995, с. 158–167].

Могильник Кривое озеро, курган 1, могилы 1, 2. Могила 1 ограблена, в заполнении обнаружены немногочисленные кости, принадлежащие 2 подросткам и ребенку, 37 астрагалов (33 – мелкого рогатого скота, 16 – со следами сработанности), обломок кристалла горного хрусталя со следами сколов, каменный наконечник стрелы, бронзовый нож, 4 зуба канисовых с отверстиями. На дне в юго-западном углу расчищены деревянная миска, сосуд, просверленный зуб канисовых и 2 роговых псалия. Могила 2 ограблена, в заполнении обнаружены отдельные кости взрослого мужчины 35–40 лет, подростка и ребенка, а также каменный и костяной наконечники стрел, роговой щитковый псалий, роговой распределитель ремней конской узды, ложило на гальке, бронзовое тесло, альчики. Всего в могиле найдено 65 астрагалов (61 – мелкого рогатого скота, 4 – крупного рогатого скота, 18 – со следами сработанности) [Виноградов, 2003, с. 36, 39, 44, 49].

Синташтинский большой грунтовой могильник. Погребение 2 содержало 3 костяка. Два из них – подростка (А) и женщины (Б) – располагались лицом друг к другу. С подростком связаны находки 8 астрагалов барана, бронзовое шило и обломки бронзовой вещи. В погребении 29 с ребенком положили мешочек с астрагалами (около 100 штук) и точильный брусок. В погребении 38 захоронен подросток, при котором найдено 4 астрагала барана и бронзовый нож [Генинг В.Ф., Зда-

нович, Генинг В.В., 1992, с. 113–115, 207, 226].

Синташтинский комплекс С1. В погребении 2 захоронен подросток, рядом с ним найдены 15 астрагалов барана, несколько ребер крупного животного, бронзовый нож, в заполнении могилы – разомкнутое костяное кольцо. Погребение 3 принадлежало подростку; в нем обнаружены бронзовый нож, тесло с кожаной оплеткой, 5 астрагалов и позвонки барана [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с. 258–261].

Могильник Танаберген II, курган 7, погребения 20, 23, 31. Погребение 20 содержало захоронение молодого индивида. Пол его точно не определен. Тело расположено в скорченной позе, на левом боку, головой на юго-запад. В районе шеи зафиксировано ожерелье из бусин (фаянс, известняк, камень), у черепа – бронзовая желобчатая подвеска в 1,5 оборота и фрагмент второй подвески, на запястьях рук – по бронзовому желобчатому браслету. В районе правой руки – бронзовый нож в деревянном футляре. В ногах обнаружены кусочки черной смолы, бронзовое шило, каменный пест. Перед стопами стоял миниатюрный сосудик, вокруг него – альчики овцы, 3 плоских камешка и бронзовый рыболовный крючок, чуть поодаль – обломок бронзового шила с деревянной рукоятью. У северо-восточной стенки могилы – бронзовый ножичек. С этим погребением связано еще 3 сосуда. Погребение 23 содержало 4 костяка: 3 – женщин в возрасте 18–25 и 25–30 лет и 1 – ребенка в возрасте около 8 лет. Со взрослыми связаны многочисленные украшения и другой инвентарь, с детским костяком – ожерелье из просверленных клыков животных. В северо-восточном углу ямы обнаружено скопление альчиков овцы, не исключено, что они связаны именно с детским костяком. Погребение 31 находилось в катакомбе, вырытой в торцевой стенке входной ямы погребения 30. Рядом с костяком ребенка 7–9 лет зафиксировано скопление альчиков овцы [Ткачев, 2007, с. 25, 33, 37].

Могильник Бестамак. Погребение 13, возраст умершего – менее 18 лет. В могиле найдены сосуд, бронзовый топор-тесло, кости конечностей и 8 астрагалов овцы. Пол антропологами не определен, но С.С.Калиева и В.Н.Логвин считают, что это погребение с большей долей вероятности должно быть отнесено к мужским [Калиева, Логвин, 2009, с. 48]. Погребение 14, пол определен предположительно как мужской, возраст 14–16 лет. В могиле найдены череп и кости конечностей лошади и 6 астрагалов овцы [Там же, с. 49]. Погребение 51, возраст умершего 13–15 лет, сопроводительный инвентарь представлен бронзовым топором-теслом, 53 астрагалами овцы, 6 кремневыми наконечниками стрел, 4 пастовыми бусинами, бронзовым ножом, 2 проколками, кусочком бронзовой проволоки, бронзовым слитком, 4 сосудами, обломком бедренной кости крупного рогатого скота. Пол умершего Р.Линдстром определил как «предположительно женский», но С.С.Калиева и В.Н.Логвин считают, что погребение, видимо, является мужским [Там же, с. 48].

Археологическая характеристика детских погребений с астрагалами потаповского и покровского типов

Потаповский могильник, памятник потаповского типа. В погребении 5 кургана 1 погребен ребенок 6–7 лет, рядом с ним найдены скопление астрагалов, речная галька со следами точечных ударов и одним сколом, медный нож. В погребении 4 кургана 5 захоронено двое детей в возрасте 6–7 лет в положении на левом боку. Между черепами – скопление 29 альчиков, с первым костяком связаны медные нож, тесло, костяное навершие. В погребении 8 кургана 5 находилось 2 костяка – взрослого мужчины и ребенка 7–8 лет. При костяке ребенка располагалось скопление 12 астрагалов. Выше детского черепа найдены 2 сосуда, в ногах – еще 1. Выше сосудов – 2 псалия, изделие из рога, 10 кремневых наконечников стрел. На дне погребения 11 кургана 5 находилось 3 детских костяка в положении на левом боку. С костяком 1 (3–5 лет) связаны альчики, 4 костяные бусины и 2 подвески из клыков кабана, с костяком 2 (8–9 лет) – 3 альчика и пастовые бусинки. У колен костяка 3 (9–10 лет) зафиксировано скопление вещей, в которое входили набор бараньих астрагалов, миниатюрный сосуд с крышечкой, костяной диск с центральным отверстием, изделие из смолы с рельефным изображением предположительно лица человека, медное шило, бронзовая ножевидная подвеска. У нижней челюсти находились костяные бусины и 2 подвески из клыков животного, аналогичная подвеска лежала у таза. Под черепом обнаружена медная височная подвеска. Над черепом расчищен перевернутый вверх дном сосуд [Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, с. 16, 30, 32–34, 36–37; Яблонский, Хохлов, 1994, с. 190, табл. 1].

Могильник Владимировский I, памятник покровского типа. В погребении 1 кургана 2 на разных уровнях встретились разрозненные кости 2 подростков, возраст их точно не определен, пол

предположительно женский и мужской. Найден набор из 30 астрагалов: 1 – крупного рогатого скота, 9 – мелкого рогатого скота и 20 – свиньи. В могиле обнаружены фрагменты бронзового браслета. Погребение 3 принадлежало ребенку 6–7 лет, пол мужской, в сопровождении 15 астрагалов, из них 11 – крупного рогатого скота, 4 – свиньи. Кроме того, в могиле найдена костяная трубочка. В погребении 8 против лица ребенка в возрасте 7–8 лет (пол не определен) цепочкой располагались 9 астрагалов, «часть из которых была поставлена на торец», из них 4 – мелкого рогатого скота и 5 – свиньи [Кузьмина, Михайлова, Субботин, 2003, с. 223–225, 228; Рослякова, Косинцев, 2013, табл. 1, 5, с. 212–213, 216–217].

Могильник Рождественский I¹, памятник покровского типа. В погребении 5 кургана 5 похоронены двое детей в возрасте 6 и 6–7 лет (пол не определен), обнаружено 20 астрагалов мелкого рогатого скота. В погребении 2 кургана 2 захоронен ребенок в возрасте около 7 лет (пол не определен) в сопровождении 9 астрагалов лошади. Погребение 7 кургана 2 являлось коллективным, где были захоронены подросток 11–13 лет, ребенок 6–7 лет и новорожденный (пол не определен). В нем зафиксирован набор из 17 астрагалов; из них 2 – крупного рогатого скота, 9 – мелкого рогатого скота и 6 – свиньи. Погребение 4 кургана 4 представляло собой парное захоронение женщины 35–45 лет и подростка 15–16 лет (пол не определен). Также найдены 13 астрагалов, из них 3 – крупного рогатого скота, 3 – мелкого рогатого скота и 7 – свиньи [Рослякова, Косинцев, 2013, табл. 1, 5, с. 212–213, 216–217].

Могильник Ташелка IV, памятник покровского типа. В погребении 10 кургана 2 захоронен ребенок в возрасте около 8 лет (пол не определен) в сопровождении набора из 35 астрагалов, из них 22 кости принадлежали мелкому рогатому скоту, 12 – свинье, 1 – лошади. В погребении 2 кургана 3 захоронен ребенок в возрасте около 7 лет в сопровождении 3 астрагалов лошади [Рослякова, Косинцев, 2013, табл. 1, 5, с. 212–213, 216–217].

Могильник Масленниковский I, памятник покровского типа. В погребении 3 кургана 1 захоронен ребенок в возрасте 9 лет в сопровождении 2 астрагалов лошади [Рослякова, Косинцев, 2013, табл. 1, 5, с. 212–213, 216–217].

Могильник Богородское I, памятник покровского типа. В погребении 5 кургана 4 похоронен подросток 11–12 лет в сопровождении астрагала лошади [Рослякова, Косинцев, 2013, табл. 1, 5, с. 212–213, 216–217].

Могильник Золотая гора. В погребении 20 кургана 5 захоронен подросток. У восточной стенки находился сосуд, к северу от него – 56 бараньих альчиков. В погребении 1 кургана 6 на дне могилы, на подстилке из камыша, лежал скелет подростка. В восточном углу перед лицом погребенного находилась нижняя челюсть кабана, рядом с ней – 3 кабаньих клыка и бараний альчик. В центре, ближе к юго-восточной стенке, найдены 7 бараньих альчиков, еще альчик находился в изголовье, между черепом и стенкой. У коленей обнаружен сосуд [Юдин, Матюхин, 2006, с. 31, 34–35; Юдин, 2009, с. 152]. Данный могильник А.И.Юдин и А.Д.Матюхин относят к тому типу раннесрубных памятников, в материалах которых не отмечаются покровские признаки, хотя эти могильники и синхронны. В целом исследователи признают синхронность синташтинских, потаповских, покровских и ранних срубных (типа Золотой горы) могильников [Юдин, Матюхин, 2006, с. 54, 70].

Интерпретация детских погребений второй возрастной группы с наборами астрагалов

Следует отметить, что даже в коллективных захоронениях астрагалы находят именно при костяках детей и подростков в возрасте от 6–7 до 13–15 лет. Так, в могильнике Каменный Амбар-5, в погребении 12 кургана 2 было захоронено 4 человека – двое детей в возрасте 3–5 и 8–9 лет и 2 женщины в возрасте 25 лет. Альчики находились при костяке ребенка 8–9 лет. В Синташтинском большом грунтовом могильнике в погребении 2, обнаружены 3 костяка – подростка и 2 взрослых, именно в изголовье подростка размещались астрагалы барана.

Пол детей рассматриваемой возрастной группы антропологически не определен, что обусловлено характером материала. Поэтому представляют интерес этнографические материалы, которые свидетельствуют о том, что игры с альчиками были характерны в первую очередь для мальчиков, причем конкретной возрастной группы. Так, в Киргизии рядом с селением Кара-су находился мазар, посещаемый бесплодными женщинами. Они подходили к источнику и опускали в него руку. Если ей удавалось вытащить какую-нибудь бусину, то должна была родиться дочь, если

вытаскивала бабу, то сын [Абрамзон, 1949, с. 88]. На мужскую принадлежность детских костяков эпохи бронзы указывают также частые находки предметов вооружения в этих могилах (наконечники стрел, псалии, бронзовые ножи, тесла и т.п.).

О том, что игры с альчиками были характерны для мальчиков конкретной возрастной группы, свидетельствуют следующие этнографические данные. У башкир игрой в альчики увлекались исключительно мальчики в возрасте от 5–6 до 12–13 лет [Шагапова, 2010, с. 67], что в принципе соответствует выделенной нами второй возрастной группе. Особенно важными в связи с этим представляются данные этнографии таджиков, так как в составе данного этноса присутствует иранский компонент. У горных таджиков к игре в кости привлекались мальчики начиная с семи–восьмилетнего возраста. Одной из первых являлась для них игра в *турск* – сухой овечий помет. Каждый шарик помета предварительно плоско стачивался с двух сторон, чтобы при бросании он не катился. Игра эта являлась своеобразной учебной подготовкой к настоящей игре в кости, в которую мальши не допускались. По настоящему играть в кости мальчики начинали лет с 9 [Пещерева, 1957, с. 61]. Этот факт позволяет отчасти понять рассматриваемый нами археологический материал эпохи бронзы, а именно сравнительно редкие находки альчиков в погребениях. Не исключено, что часть детей в возрасте 6–8 лет, возможно, не перешедших пока по ряду причин в следующую возрастную группу, также использовала в игре сточенный с двух сторон сухой овечий помет, но в погребениях он просто не сохранился.

В некоторых погребениях детей второй возрастной группы астрагалы представлены в значительном количестве. Нередко эти захоронения являются коллективными. Так, в могильнике Каменный Амбар - 5 такие погребения сконцентрированы в кургане 2. В могиле 5, где захоронено 8 человек, из которых двое детей и трое подростков 13–16 лет, в углу находилось скопление из 147 астрагалов. В могиле 11, содержащей 3 костяка – ребенка 9–10 лет и 2 подростков 13–14 лет, у середины стенки было отмечено скопление из 53 астрагалов. В могиле 12, где было захоронено 4 человека, 39 астрагалов находились при костяке ребенка 8–9 лет. В могильнике Кривое озеро, в могиле 1 кургана 1, в заполнении встретились кости 2 подростков и ребенка и 37 астрагалов. В могиле 2 этого кургана, в заполнении, обнаружены отдельные кости взрослого мужчины, подростка и ребенка, а также 65 астрагалов. В погребении 51 могильника Бестамак рядом с подростком 13–15 лет обнаружено 53 астрагала. В Синташтинском большом грунтовом могильнике, в детском погребении 29, было 100 альчиков. В погребении 20 кургана 5 могильника Золотая гора подросток сопровождался 56 астрагалами. В погребении 10 кургана 2 могильника Ташелка IV при ребенке в возрасте около 8 лет найден набор из 35 астрагалов. Вероятно, дети старшего возраста и подростки уже сознательно собирали альчики для игры и эти наборы костей были их своеобразной собственностью, которую в случае смерти владельца помещали в погребения.

Этот вывод можно подтвердить сведениями из таджикской этнографии. В работе Е.М.Пещеревой сообщается, что астрагалы для мальчиков являлись своего рода капиталом, они собирали их, тщательно очищали от жил. Дети из бедных семей, где редко ели мясо, добывали себе астрагалы работой. Весной, когда скот выпасали около селения, это поручали мальчикам. Дети богатых родителей нанимали бедных мальчиков пасти скот за себя. За дневной выпас скота мальчики получали 12–15 астрагалов. Костями также менялись, давали их взаймы. Во избежание обмана каждый из астрагалов сравнивали со стандартом, прикладывая друг к другу всеми сторонами. При возвращении долга вся процедура повторялась. На астрагалы также выменивали разные вещи [Пещерева, 1957, с. 66].

Во всех рассматриваемых нами наборах костей из погребений синташтинско-петровского типа преобладают альчики барана (овцы), хотя встречаются также альчики козы, свиньи, достаточно широко представлены кости диких животных: сайги, косули, кабана. По-видимому, сочетание в игровых наборах альчиков, принадлежащих как домашнему скоту, так и диким животным, далеко не случайно. Вероятно, охота продолжала играть в среде старших детей и подростков синташтинско-петровского общества немалую роль, в том числе культурную, как вариант инициации, а успех на охоте приравнивался к военной доблести. Подтверждением этому служит тот факт, что у многих скотоводческих народов (таджиков, узбеков, монголов, тувинцев, хакасов и др.) игры в кости имели названия, связанные как с охотой, так и со скотоводством: «класть марала», «конский бег» – монгольские; «ловить коня», «скачка» – тувинские; «стрельба по косулям» – хакасская, «убивание ослон» – таджикская [Молодин, Ефремова, 1998, с. 305; Пещерева, 1957, с. 66].

В потаповских и покровских погребениях присутствуют только альчики домашних животных – овцы, козы, свиньи, реже крупного рогатого скота, лошади. Преобладают наборы с альчиками мелкого рогатого скота и свиньи, в некоторых погребениях – с альчиками свиньи. Так, в могильнике Владимировский I (курган 2), в погребении 1, набор астрагалов включал 30 экземпляров, из них 9 принадлежали мелкому рогатому скоту и 20 – свинье. В погребении 8 цепочкой располагались 9 астрагалов, из них 4 – мелкого рогатого скота и 5 – свиньи. В могильнике Рождественский I (погребение 4 кургана 4) набор астрагалов представлен 13 экземплярами, из них 3 принадлежали мелкому рогатому скоту и 7 – свинье. Значительное количество альчиков свиньи в наборах может свидетельствовать о менее подвижном характере скотоводческого хозяйства этих групп населения. Свообразием потаповских и покровских комплексов следует считать достаточно частую встречаемость альчиков крупного рогатого скота, а также альчиков лошади. Последние не характерны для синташтинско–петровских погребений.

Синташтинско–петровские наборы костей отличают следы подработки и окрашивания на некоторых альчиках. В погребении 16 кургана 25 Большекараганского могильника некоторые альчики имели следы подработки, 1 астрагал был просверлен. В могиле 1 кургана 1 могильника Кривое озеро на 16 из 37 астрагалов фиксируются следы сработанности. Сработанная сторона одного из них имела зеленоватую окраску. В могиле 2 того же кургана из 65 альчиков следы сработанности зафиксированы на 19. Степень сработанности астрагалов различна – от небольших затертостей до сильной стертости, иногда до заполированности гладких поверхностей. Кроме того, 1 астрагал имел отверстие, 1 – срез на боковой стороне и 1 – поясok насечек [Виноградов, 2003, с. 39, 49].

Подобное обращение с альчиками зафиксировано и в этнографии. Например, у горных таджиков астрагалы были нескольких видов – овечьи, козьи и коровьи. Обычно в игре употреблялись бараньи и козьи астрагалы. Их обтачивали таким образом, чтобы при бросании они с наибольшей легкостью могли оказаться в положении, дающем выигрыш по правилам игры. Обточенные астрагалы даже имели названия, позволяющие отличить их от необработанных. Так, в Ягнобе обработанные астрагалы назывались *сус*, а необработанные – *курр/куррагй*. Самые лучшие астрагалы мальчики еще и окрашивали, окуривая их дымом. Для этого складывали в кучу мелкую пшеничную солому, вокруг которой расставляли кости. Солому поджигали и накрывали вместе с костями большой деревянной чашкой. Под действием дыма кости приобретали красноватый цвет. Такие астрагалы мальчики хранили отдельно, складывая их в глиняные кувшины. Иногда кувшины с астрагалами даже закапывали на время в землю. Мальчики менялись друг с другом астрагалами. В Ягнобе один обточенный астрагал был равен по цене восьми–десяти необработанным *куррагй* [Пещерева, 1957, с. 66]. Башкиры использовали для игры альчики преимущественно первозданного, белого, цвета. Кроме того, информаторы эпизодически сообщают о раскрашивании костей, но что означают цветные кости – неясно [Шаганова, 2010, с. 67].

Как свидетельствуют этнографические данные, набор для игры в кости включал также биты, которые иногда даже изготавливали особо. Так, у башкир главную фигуру – битку – красили сажей в черный цвет [Шаганова, 2010, с. 67]. Горные таджики с коровьими астрагалами играли сравнительно редко. Они больше использовали их в качестве битков и даже давали им другое название. Кроме того, битками могли служить отборные овечьи астрагалы, битки также делали из камня в виде шариков или небольших прямоугольных пластинок. В некоторых районах битки прямоугольной формы изготавливали из рога диких козлов [Пещерева, 1957, с. 65–66].

В рассматриваемых нами погребениях эпохи бронзы наряду с альчиками присутствовали предметы, которые могли использоваться при игре в кости как биты. Так, в Большекараганском могильнике подобные изделия найдены в погребениях 13 и 16 кургана 25. В погребении 13 обнаружено скопление астрагалов и крупная галька. В погребении 16 наряду с набором альчиков, помещенных, по мнению исследователей, в специальный мешочек [Аркаим..., 2002, с. 57–59, 64–68], в заполнении найдено изделие из рога оленя размерами 20x7 см. Этот предмет вполне мог использоваться как бита. В Потаповском могильнике, в погребении 5 кургана 1, найдены скопление астрагалов и речная галька со следами точечных ударов и одним сколом. В могильнике Каменный Амбар-5, в могиле 2 кургана 2, где костей погребенных не обнаружено, в южном углу зафиксированы скопление из 12 астрагалов и массивная пластина из рога лося, которую авторы интерпретировали как битку.

В качестве бит, как показывают данные этнографии, могли использоваться также астрагалы

крупного рогатого скота. В рассматриваемых погребениях эпохи бронзы, даже в тех, где встретилось значительное количество альчи́ков, находки астрагалов крупного рогатого скота единичны, что может свидетельствовать об их особой роли в играх. В Большекараганском могильнике, в погребении 16 кургана 25, в скоплении из 50 астрагалов только 4 принадлежали крупному рогатому скоту, а остальные – более мелким животным. В могильнике Каменный Амбар-5, в могиле 5 кургана 2, из 147 астрагалов лишь 2 принадлежали крупному рогатому скоту. В могильнике Кривое озеро, в могиле 2 кургана 1, из 65 астрагалов только 4 – крупного рогатого скота, остальные – мелкого. В могильнике Владимировский I, в погребении 1 кургана 2, 1 из 30 астрагалов принадлежал крупному рогатому скоту, остальные – мелкому и свинье. В могильнике Рождественский I, в погребении 7 кургана 2, из 17 экземпляров 2 принадлежали крупному рогатому скоту, остальные – мелкому и свинье. В погребении 4 кургана 4 этого могильника 3 из 13 астрагала принадлежали крупному рогатому скоту, остальные – мелкому и свинье.

Вероятно, в потаповских и покровских комплексах роль биты выполняли также альчики лошади. Так, в могильнике Ташелка IV, в погребении 10 кургана 2, в наборе из 35 астрагалов, только 1 принадлежал лошади, остальные – мелкому рогатому скоту и свинье. Некоторые погребения содержат исключительно альчики лошади, причем в незначительном количестве – 1–3 экземпляра (Ташелка IV, погребение 2 кургана 3; Масленниковский I, погребение 3 кургана 1; Богородское I, погребение 5 кургана 4), что позволяет предполагать традицию помещения в захоронение только бит для игры в кости.

По-видимому, детские игры в кости не просто были забавой, а имели магический, сакральный подтекст. Из этнографических материалов известно, что детские игры в альчики были связаны с основными календарными праздниками. У горных таджиков детские игры в кости начинались со дня весеннего равноденствия и продолжались до самого лета. Праздник весеннего равноденствия (*сари сол*) еще в начале XX столетия являлся у таджиков главным праздником в году. С этим праздником было связано много обычаев, которым следовали главным образом для того, чтобы вызвать к жизни животворящие силы природы [Пещерева, 1957, с. 64]. У монголов ряд игр в альчики имел четкую символическую привязку к Новому году – *Цагаан сар*, что означает «Белый месяц». Белым месяцем назывался сентябрь, так как в это время шла массовая переработка молочных продуктов с целью создания их запаса на зиму. До 1267 г. монголы отмечали Новый год в сентябре. В первые дни *Цагаан сара* играли в такие игры с альчиками, как «пестрая черепаха», «загонять оленя», «стрелять альчиками», «хватать альчики», «собирать альчики». В каждой из них был заложен определенный философский и магический смысл. Во всех этих играх сосредоточение в одних руках наибольшего количества костей должно было содействовать увеличению приплода скота у их обладателя [Календарные обычаи..., 1985, с. 179, 184–185].

Вероятно, общераспространенным являлось представление о взаимосвязи игр в альчики с магией плодородия в скотоводческом хозяйстве. Так, хакасы считали, что хранимые в юртах овечьи астрагалы приносят счастье. Когда количество астрагалов достигало сотни, их зарывали в землю в углу овечьего загона. Полагалось, что в стаде зарывшего альчики человека прибавится столько же голов овец, сколько он зарыл астрагалов. Подобные представления зафиксированы и у тувинцев. Собрав тысячу астрагалов, их зарывали в зимнем загоне для овец и начинали собирать снoва. Этот обряд призван был способствовать размножению скота [Молодин, Ефремова, 1998, с. 306–307].

Вариантов игры в альчики было множество. Суть некоторых игр состояла в том, что в ходе их альчики ложатся разными сторонами, каждая из которых имеет свою «стоимость». Тувинцы давали сторонам кости следующие названия: выпуклая грань – «баран», обратная – «коза», стоящая верхняя сторона – «лошадь», обратная ей – «корова». У монголов «корова» была заменена «верблюдом» [Молодин, Ефремова, 1998, с. 306]. У башкир боковая вогнутая сторона альчика именовалась «алсы», противоположная ей сторона – «туй», третья сторона – «бук», четвертая – «сик». Выигрыш приносило оказание в положении «алсы». Тот же принцип использовался как жеребьевка. Игру начинал тот, у кого кость ляжет в положение «алсы», вторым был тот, у кого кость окажется в положении «туй», третьим – у кого займет положение «буй», четвертым – положение «сик». Фольклор башкир свидетельствует о том, что удачливые игроки отмечались как бы печатью небес. Например, у башкир есть пословица: «У него альчики всегда алсы», что означало: ему всегда везет [Шаганова, 2010, с. 70–72].

Вероятно, в эпоху бронзы альчики помещались в могилу тех детей и подростков, у которых «альчики всегда алсы». В дальнейшем, по мере взросления этих детей, общество могло уже сознательно возлагать на них функции гадателя или предсказателя.

В связи с таким предположением представляют интерес погребения, где наряду с альчиками присутствуют и другие предметы, вероятно, ритуального назначения. В Потаповском могильнике, в погребении 11 кургана 5, находилось 3 детских костяка с альчиками. Но костяк 3 (ребенок 9–10 лет) выделялся неординарным инвентарем явно ритуального характера: рядом со скоплением астрагалов находились миниатюрный сосуд с крышечкой, костяной диск с центральным отверстием, изделие из смолы с рельефным изображением предположительно, лица человека, а над черепом ребенка – перевернутый вверх дном сосуд. При всех 3 костяках наряду с альчиками обнаружены украшения, но особенно выразительные находились при костяке 3 – медные ножевидная и височная подвески, костяные бусины, подвески из клыков животного. В погребении 16 кургана 25 Большекараганского могильника костяк ребенка 7–7,5 лет сопровождал набор предметов также, вероятно, ритуального назначения. В скопление помимо 50 астрагалов входили 5 резцов бобра, клык кабана, мелкий обломок предмета из рога оленя, костяной диск с центральным отверстием. По мнению исследователей [Аркаим..., 2002, с. 68], эти предметы были помещены в мешочек. В районе рук погребенного обнаружено изделие, имеющее кожаную основу с нашитыми на нее бронзовыми бляшками. Кроме того, дно могилы было выстлано слоем травы, поверх которой разостлали шкуру лося шерстью наружу [Там же, с. 67]. В погребении 1 кургана 1 могильника Кривое озеро находились обломок кристалла горного хрусталя и деревянная миска, здесь же найдены просверленные зубы канисовых. Список примеров можно продолжить. Своеобразием этих неординарных погребений является также наличие при костяках украшений.

Присутствие украшений не обязательно является указанием на женский пол погребенного. По-видимому, следует учитывать тот факт, что игра в альчики была связана с культом плодородия, а покровителем плодородия, как правило, выступает двуполое божество. Так, в некоторых областях Индии во время праздника богини растительности, которая являлась двуполой, мужчины носят искусственные груди. В Индии, Иране и других районах Азии ритуал «обмена одеждой» играет важную роль в земледельческих празднествах. Как отмечает М.Элиаде, «мужчина, который носил женские одежды, не превращался по этой причине в женщину, как могло бы показаться на первый взгляд; на некоторое время он объединял в себе оба пола, и это состояние помогало ему постичь Космос в его целостности» [Элиаде, 1999, с. 346–347]. В Греции андрогинизм в определенной степени был характерен для культа Афродиты. Афродита считалась богиней не только любви, но и плодородия, деторождения. Сыном Афродиты и Гермеса был Гермафродит [Лосев, 1997, с. 132–133]. Среди прочих свидетельств о наличии черт андрогинизма в культе Афродиты наиболее интересным является свидетельство Геродота (I, 105; IV, 67) о связи андрогинизма с получением дара прорицания. В сирийском городе Аскалоне несколько скифских воинов разграбили святилище Афродиты Урании. За это богиня поразила грабителей и их потомков «женским» недугом. Их называли энареями (от иранского «анарья» – немужественный), к ним относились кастраты, гермафродиты [Геродот, 1993, с. 505, прим.]. В то же время Афродита даровала им искусство предсказания. Этот пример весьма показателен. Вероятно, в древности существовало представление о том, что, только объединив в себе оба пола, человек мог «постичь Космос в его целостности», что было необходимо для верного предсказания событий. Это объединение полов могло быть временным, только в ритуале, достигаясь с помощью украшений, одежды, или, как у скифов, постоянным.

Таким образом, можно предположить, что у синташтинско-петровского, потаповского и покровского населения дети мужского пола в возрасте от 6–7 до 13–15 лет составляли особую возрастную группу, одной из отличительных черт которой являлась игра в альчики. В период важных календарных праздников эта игра могла приобретать сакральный подтекст. Вероятно, в эпоху бронзы альчики помещались в могилы тех детей и подростков, у которых «альчики всегда алсы», т.е. которые отмечены особым расположением небес. Наличие в отдельных погребениях предметов явно ритуального характера и украшений позволяет предполагать, что в дальнейшем, по мере взросления этих детей, общество могло уже возлагать на них функции гадателя или предсказателя.

Примечания

¹ Характеристика погребений с набором альчиков в могильниках покровского типа Рождественский I, Ташелка IV, Масленниковский I, Богородское I является неполной, так как дана на основе табл. 1, 5, содержащихся в

статье Н.В. Росляковой, П.А.Косинцева (2013), где не указаны другие находки в этих погребениях.

Библиографический список

- Абрамзон С.М.* Рождение и детство киргизского ребенка // Сб. МАЭ. М.; Л., 1949. Т. 12.
Аркаи́м: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск, 2002. Кн. 1.
Асатрян Г.С. Обряды детства и воспитание детей в традиционной культуре персов // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М., 1983.
Байбу́рин А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.
Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.
Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.
Геродот. История / пер. и прим. Г.А. Стратановского. М., 1993.
Итс Р.Ф. Введение в этнографию: учебное пособие. Л., 1991.
Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М., 1985.
Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вопросы археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9.
Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995.
Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М., 2008.
Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П. Курганный могильник эпохи бронзы Владимировский I // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3.
Лосев А.Ф. Афродита // Мифы народов мира. М., 1997. Т. 1.
Марков С.С. Астрагалы в погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Зауралья // Вестник Общества открытых исследований древности. Челябинск, 2002.
Молодин В.И., Ефремова Н.С. Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. 4.
Пецерева Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924–1935 гг.) // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1957. Т. 17.
Рослякова Н.В., Косинцев П.А. Археозоологическое изучение комплексов погребального инвентаря из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 1.
Сотникова С.В. Детские погребения с наборами астрагалов как отражение детской сферы сакральности // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2014. Вып. 1 (24).
Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.
Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск, 1989.
Шагапова Г.Р. Семантика игровой культуры башкирского этноса. Уфа, 2010.
Элиаде М. Трактат по истории религий. М., 1999. Т. 2.
Юдин А.И. Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или «игроки»? // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 2009. Вып. 7.
Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая гора и Кочетное. Саратов, 2006.
Яблонский Л.Т., Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья. Приложение 3 // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.

Дата поступления рукописи в редакцию 30.11.2014

CHILDREN'S BURIALS WITH SETS OF ASTRAGALES AS THE REFLECTION OF GENDER-AGE STRATIFICATION IN THE BRONZE AGE SOCIETIES OF EURASIAN STEPPES (THE EXAMPLE OF THE SINTASHTA-PETROVSKY, POTAPOVSKY, AND POKROVSKY TYPES OF MONUMENTS)

S. V. Sotnikova

Tyumen State University, Semakov str., 10, 625003, Tyumen, Russia
svetlanasotnik@mail.ru

The paper deals with children's burials with sets of astragales found in the Bronze Age monuments of the Eurasian steppes. The burials were divided in two age groups: 1 – from infancy to 5-6 years, 2 – from 6-7 to 13-15 years. The author uses ethnographic material to substantiate the division. The paper analyzes the second group of burials by providing an overview of archaeological material and its interpretation. The author states that male children from 6-7 to 13-15 years were a particular age group of the Sintashta-Petrovsky, Potapovsky and Pokrovsky population, and game with astragales was a distinguishing feature of that group. The game could get some sacral associations with the cult of fertility during important calendar holidays. Probably in the Bronze Age, astragales were placed in the graves of those children and adolescents who were lucky in that game. It was believed that such children have been marked with a special sign of heaven. Since the objects of ritualistic nature are presented in such burials, we may suggest that the society assigned the duties of diviners for such children when they had grown up. The presence of decorations in some of the burials was not necessarily an indication of female gender. Apparently, it is necessary to take into account the fact that the game with astragales was associated with the cult of fertility, but the patron of fertility, as a rule, was an androgynous deity. Probably, in ancient times, it was believed that in order to divine future events correctly, a person could understand cosmos in its entirety only by uniting both genders in oneself.

Key words: the Bronze Age, Eurasian steppes, burial, astragals, gender-age stratification.

References

- Abramzon S.M. Rozhdenie i detstvo kirgizskogo rebenka. *Sb. MAE*. M.; L., 1949. T. 12.
- Arkaim: nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika). Chelyabinsk, 2002. Kn. 1.
- Asatryan G.S. Obryady detstva i vospitanie detey v traditsionnoy kul'ture persov. *Etnografiya detstva. Traditsionnye formy vospitaniya detey i podrostkov u narodov Peredney i Yuzhnoy Azii*. M., 1983.
- Bayburin A.K. Obryadovye formy polovoy identifikatsii detey. *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya*. SPb., 1991.
- Vasil'ev I.B., Kuznetsov P.F., Semenova A.P. Potapovskiy kurgannyi mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge. Samara, 1994.
- Vinogradov N.B. Mogil'nik bronzovogo veka Krivoje Ozero v Yuzhnom Zaural'e. Chelyabinsk, 2003.
- Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V. Sintashta: arkheologicheskie pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey. Chelyabinsk, 1992.
- Gerodot. Istoriya / Per. i prim. G.A. Stratanovskogo. M., 1993.
- Its R.F. Vvedenie v etnografiyu: uchebnoe posobie. L., 1991.
- Kalendarnye obychai i obryady narodov Vostochnoy Azii. *Novyy god*. M., 1985.
- Kaliev S.S., Logvin V.N. Mogil'nik u poseleniya Bestamak (predvaritel'noe soobshchenie). *Voprosy arkheologii, antropologii i etnografii*. 2009. № 9.
- Kostyukov V.P., Epimakhov A.V., Nelin D.V. Novyy pamyatnik sredney bronzy v Yuzhnom Zaural'e. *Drevnie indoiranskie kul'tury Volgo-Ural'ya (II tys. do n.e.)*. Samara, 1995.
- Kuz'mina E.E. Arii – put' na yug. M., 2008.
- Kuz'mina O.V., Mikhaylova O.V., Subbotin I.P. Kurgannyi mogil'nik epokhi bronzy Vladimirovskiy I. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya*. Samara, 2003. Vyp. 3.
- Losev A.F. Afrodit. *Mify narodov mira*. M., 1997. T. 1.
- Markov S.S. Astragaly v pogrebal'noy obryadnosti epokhi bronzy Yuzhnogo Zaural'ya. *Vestnik obshchestva otkrytykh issledovaniy drevnosti*. Chelyabinsk, 2002.
- Molodin V.I., Efremova N.S. Kolleksiya astragalov svyatilishcha Kucherla-1. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i soprodel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 1998. T. IV.
- Peshchereva E.M. Igrushki i detskie igry u tadzhikov i uzbekov (po materialam 1924–1935 gg.). *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii (MAE)*. T. 17. M.; L., 1957.
- Roslyakova N.V., Kosintsev P.A. Arkheozoologicheskoe izuchenie kompleksov pogrebal'nogo inventarya iz pogrebeniy srubnoy kul'tury lesostepnogo Povolzh'ya. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 2013. T. 15. № 1.
- Sotnikova S.V. Detskie pogrebeniya s naborami astragalov kak otrazhenie detskoj sfery sakral'nosti. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya*. 2014. Vyp. 1 (24).
- Tkachev V.V. Stepi Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh sredney i pozdney bronzy. Aktobe, 2007.
- Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. *Chelovek. Obshchestvo* / E.L. L'vova, I.V. Oktyabr'skaya, A.M. Sagalaev, M.S. Usmanova. Novosibirsk, 1989.
- Shagapova G.R. Semantika igrovoy kul'tury bashkirskogo etnosa. Ufa, 2010.
- Eliade M. Traktat po istorii religiy. M., 1999. T. 2.
- Yudin A.I. Pogrebeniya s astragalami iz Novopokrovki-II: sluzhiteli kul'ta ili «igroki»? *Arkheologiya vostochno-evropeyskoy stepi*. Saratov, 2009. Vyp. 7.
- Yudin A.I., Matyukhin A.D. Rannesrubnye kurgannye mogil'niki Zolotaya gora i Kochetnoe. Saratov, 2006.
- Yablonskiy L.T., Khokhlov A.A. Novye kraniologicheskie materialy epokhi bronzy Samarskogo Zavolzh'ya. Prilozhenie 3. Vasil'ev I.B., Kuznetsov P.F., Semenova A.P. Potapovskiy kurgannyi mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge. Samara, 1994.